



Для Лили, Хьюго, Амелии, Оливера  
и Джейкоба — с любовью.





## ПАКОСТИ — ИХ РАБОТА

Семейка Злобстов имела обыкновение подниматься ни свет ни заря. Несмотря на воскресенье, к половине седьмого утра большинство из них уже успели изрядно напакостничать.

Впрочем, Злобсты творили свои пакости не просто удовольствия ради. Это была их работа, и они относились к ней чрезвычайно серьёзно. Все обитатели Подмирья — сумрачной страны, где правят колдовство, обман и наваждение, а также призраки и всевозможные страшилища, — считали своей неременной обязанностью поддерживать должный уровень беспорядка, недовольства и ужаса среди обитателей Верхнего Мира.

Верхний Мир — это обычный мир, в котором люди живут своей обычной жизнью, в счастливом неведении относительно всех козней, которые затеваются против них в сером сумраке лежащего где-то под ним Подмирья. Подмирцы называли обитателей Верхнего Мира просто Вершками. Ну а Вершки подмирцев никак не называли, потому что просто не подозревали об их существовании.

Ма и Па Злобсты только что вернулись с местной ярмарки-распродажи, где, как обычно, прове-



ли время с толком. На этот раз они взяли с собой свою младшую дочь Антипатию-Розу. Па шнырял среди оставленных на стоянке машин, умело прокалывая им шины. Ма прохаживалась среди наскоро обустроенных прилавков, ловко и незаметно утаскивая с них безделушки подороже. Антипатия-Роза невинно ворковала в своей сидячей коляске и свирепо кусала любого, кто останавливался рядом поумилиться славной малышкой. Одним словом, очередной день пакостничества задался прекрасно.

Одна только Малиса Злобст осталась утром дома, пообещав отработать обязательную норму пакостей попозже. И пока её семья не покладая рук трудилась — вредительствовала, воровала и кусалась, — Малиса улучила часок-другой, чтобы тайком почитать.

Тайком — потому что родители Малисы крайне не одобряли чтения — любого, если речь, конечно, не шла о картах с указанием зарытых кладов. А ещё Малиса воспользовалась случаем всласть понежиться в ванне. Тоже тайком, разумеется. Ма была убеждена, что чем меньше моешься, тем лучше, и сама следила, чтобы у неё за ушами скапливалось как можно больше грязи: ведь надо же и уховёрткам где-то жить.

Семейка вернулась, утомлённая утренней вредоносной деятельностью и нагруженная добычей. Водрузив на кухонный стол объёмистую сумку с наворованным добром, Ма склонилась над



раковиной, полируя выточенный из лунного камня перстень. Сползшие чулки гармошкой собрались на тощих щиколотках, и её ноги выглядели точь-в-точь как морщинистые индюшачьи шеи. Она то и дело подскакивала и поёживалась, пронзительно взвизгивая, когда ей на спину падали капли ледяной воды.

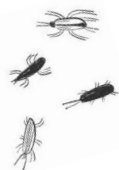
— Да хватит уже, Дедуля! — рывкнула Ма, треснув рукой по сушилке для посуды. — Я же знаю, что это ты!

Малиса неспешно, нога за ногу, приплелась на кухню и застыла на пороге.

— О, Малиса, наконец-то! — крикнула Ма. — Скажи деду, чтобы он прекратил, а? Он опять сделался невидимым!

Малиса задрала голову. В дальнем углу кухни,





под самым потолком, над раковиной, ехидно хихикая, зависло её самое любимое в мире привидение — Дедуля. Дедуля время от времени макал пальцы в стакан с ледяной водой и ронял несколько капель на голую шею Ма. Его морщинистое лицо кривилось в лукавой ухмылке.

— Привет, Дедуля, — сказала Малиса. Для неё он никогда не делался невидимкой.

— Здравствуй, Утёночек, — сказала привидение, глядя с потолка вниз. — Как насчёт чуть позже перекинуться в покер?

— Непременно, — улыбнулась Малиса. — На этот раз тебе меня не побить!

Привидение ответило ей такой же широкой улыбкой и, перевернув стакан, окатило Ма холоднущей водой, пустив ей струйку прямо за воротник. Ма завизжала.

— Ма просит, чтобы ты перестал, — сказала Малиса извиняющимся тоном. Она-то понимала, что деду просто захотелось немного пошалить.

— Я не глухой! — заявило привидение. — Я просто нарочно её не слушаю.

— Всё равно, Дедуля, — сказала Малиса. — Думаю, сейчас лучше сделать перерыв.

Призрачный Дедуля вздохнул:

— Ну ладно, Утёночек. — Утёнок, Утёночек — это прозвище дал ей Дедуля. — Но только потому, что ты меня просишь. Когда-то в этом доме было куда веселее! — недовольно пробурчал он напоследок и исчез, просочившись сквозь пото-





лок. — Увидимся позже, за покером, — донёлся издали его бестелесный голос.

У всех привидений есть дар по желанию становиться видимыми или невидимыми. Для Ма и Па Дедуля предпочёл оставаться невидимкой — с того самого дня, когда они скормили реферат Малисы по истории, над которым она так долго корпела, Антипатии-Розе, которая слопала его с огромным удовольствием. Дедуля не сомневался, что Малиса получила бы за него высший балл, если бы её родители не повели себя так.

Своего дедушку Малиса просто обожала. Он был единственным, кто её понимал. Но девочку очень огорчало, что у неё не было возможности проводить с ним столько времени, сколько ей хотелось, и что Дедуля по большей части был предоставлен сам себе.

Дедуля был привидением уже тогда, когда Малиса появилась на свет. Он мог бы преспокойно отправиться жить в Подмирье, но почему-то почувствовал, что его внучке, растущей в доме Злобстов, будет не хватать родной души рядом. И был прав. У Малисы не оказалось ровным счётом ничего общего с остальными членами её семьи — разве что она тоже была живой.

Ма вытерла мокрую шею чайным полотенцем и достала из сумки с краденым ещё одно кольцо — золотое, с большой кремово-белой жемчужиной. Она потёрла жемчужину о свои жёлтые зубы и довольно хмыкнула.



— Гляди-ка, настоящая! — радостно объявила она. — Уж нам отсыплют за неё монет, когда мы её загоним.

Малиса повернулась, чтобы улизнуть из кухни, но Ма успела окликнуть её.

— Малиса, у тебя, между прочим, сегодня на счету ещё ни одной пакости, — упрекнула она дочь.

— Ма, но мне же ещё уроки делать, — заныла Малиса.

— Уроки! — воскликнула Ма, презрительно фыркнув. — Уроки! Хорошо ещё, что отец тебя не слышит. Мы ведь это уже обсуждали. Отродясь ничего путного не случилось с теми, кто делал уроки!

Антипатия-Роза в своём высоком детском креслице пронзительно завопила, но Ма не стала отвлекаться:

— Хватит отлынивать от работы, юная леди! Пакости сами себя не сделают, а у меня, чтоб ты знала, в каталажке ещё четыре привидения, которыми надо заняться. Мы не можем справляться со всеми делами сами! Па совсем с ног сбился, да и я уже на пределе.

Каталажкой Ма называла подвальную камеру без окон и дверей — на-





стоящий каменный мешок, где Ма и Па держали всех нанятых ими привидений-новичков, прежде чем напустить их на ничего не подозревающих соседей.

Сестра Малисы продолжала надрываться. Её креслице медленно поднялось в воздух и начало вращаться.

— Антипатия-Роза Злобст, честное слово, от твоего визга у меня черепушка раскалывается! — рявкнула Ма, хватаясь за голову.

Круглое личико Антипатии-Розы сердито скукожилось, мелкие острые зубки впились в голову плюшевого зайца, а пухлые кулачки яростно сжали тряпичную куклу. Чёрные кудряшки на голове малышки даже вспотели от злости.

Когда Антипатия-Роза не злилась, она выглядела так, что все встречные взрослые неизменно принимались умиленно сюсюкать при виде этих нежных, как персик, и розовых, как бутончики, щёчек, больших круглых глаз в обрамлении пушистых чёрных ресниц и пухлых, сложенных сердечком губок. Но стоило неосторожным взрослым приблизить свои воркующие физиономии поближе к малышке, как Антипатия-Роза широко ухмылялась, обнажая два ряда острых-прост-



рых — на зависть акулам — зубов и впивалась прямо в их длинные носы.

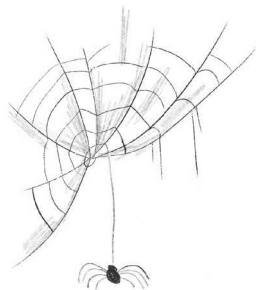
Малиса, вздохнув, подошла к заходящейся от крика сестре, выдернула из её зубов зайца и запулила им в окно. Потом выковыряла у неё из ручек куклу, оторвала ей голову и одну ногу и бросила изувеченную игрушку на столик детского креслица.

Антипатия-Роза тут же умолкла, креслице со стуком опустилось, упёршись ножками в пол. Заплаканное личико озарилось жутковатой широкой улыбкой, и девочка радостно залепетала, играя останками куклы.

— Прямо удивляюсь, как ты с ней ладишь, — заметила Ма. — Даже не понимаю, как это у тебя получается.

Малиса в ответ только пожала плечами.

— Ну а теперь проваливай, — погнала Ма её с кухни. — Займись уже чем-нибудь гнусным!





## В ДОМЕ ЗЛОБСТОВ СОЛНЦЕ НЕ СВЕТИТ

Малиса вышла на солнышко. Весь квартал Блаженства — очень милый квартал, в котором дом Злобстов почитали не иначе как позорным пятном, — был объят утренней тишиной.

Старый особняк Злобстов с его узкими арками и многочисленными зловещими башенками, не принятыми в приличном обществе, смотрелся здесь до крайности неуместно. Островерхие крыши башенок вечно тонули в чёрной туче, которая никогда их не покидала. Плетви плюща и колючей ежевики взбирались по щербатым каменным стенам, обвивая полуобрушенные балконы и облезлые веранды. Солнечные лучи никогда не заглядывали в этот мрачный дом, за тусклыми окнами которого колыхались лишь неясные тени да иногда проступало прижатое к стеклу бледное лицо.

Обитатели же высоких, светлых, чистоплотных домов, неохотно делившие квартал Блаженства со Злобстами, всё ещё нежились в постелях, на-



слаждаясь воскресной безмятежностью. Малиса вздохнула и приступила к делу, иначе говоря — к пакостничеству. Подобрал длинный сук, она с неохотой поплелась вдоль ограды квартала, грохоча этим суком по её железным прутьям. Вдоль клумб высились ряды безголовых стеблей подсолнухов — жертв предрассветной деятельности старших Злобстов.

Малиса тряхнула головой. Лично ей безобразничать совсем не нравилось. По крайней мере так, как наставляли её Ма и Па.

Малисе нравились весёлые шалости — например, воровать печенье из кладовки, или швырять в окно водяные бомбочки, или смотреть, сколько безделушек им с Дедулей удастся пристроить на выдающемся пузе Па, когда он храпит на диване.

Заунывный грохот Малисиной палки по ограде, похожий на игру на ксилофоне с одной нотой, взорвал безмятежную утреннюю тишину. Он вспугнул стайку птиц, которая с беспокойным криком сорвалась со старого дуба в сквере. Где-то залаяли собаки. Малиса продолжала грохотать.

Возле дома номер 6 стоял припаркованный «Бентли» с номерным знаком. Малиса с силой пнула его по колесу. Пронзительно заверещала сигнализация.

Из-за парчовых и бархатных штор на окнах стали показываться заспанные лица соседей, затуманивающих холодное оконное стекло своим дыханием. Малиса смущённо пожала плечами.

— Извините! — крикнула она, чувствуя себя ужасно неловко.

Всклопоченные спросонок жители домов отвечали ей мрачными взглядами и тут же задёргивали шторы обратно. Само собой, для них она всегда останется просто одной из этих мерзких пакостников!

Что до Малисы, то она была бы рада и вовсе не делать никаких пакостей — но ей уж очень не хотелось ещё больше разочаровывать родителей. Ма и так ужасно расстроилась, застукав её однажды за сбором пластиковых бутылок, чтобы сдать их на переработку. Малиса всё время чувствовала себя так, словно застряла где-то между паинькой и хулиганкой.

Солнце играло бликами на чёрных непослушных волосах Малисы и её таких же чёрных блестящих высоких ботинках со шнуровкой. Изумрудно-зелёные полоски на колготках были точно такого же оттенка, как и её умные живые глаза. И отлично сочетались с такой же полосатой майкой, которую она надела сегодня под люби-

мый чёрный сарафан с ляжками. Щёки её не сияли нежным румянцем, как у младшей сестры, да и зубами она уступала ей в остроте — зато носик у обеих был одинаково вздёрнутый, похожий на лыжный трамплин для блошек.

В дальнем конце сквера высилась гора ржаво-рыжей палой листвы, чуть шелестящей на свежем ветерке. Ассоциация жителей квартала Блаженства накануне довольно весело потратила половину дня, сгребая эту листву и сваливая её в кучу, которую потом должны были вывезти городские мусорщики.

Семейка Злобстов, разумеется, в этом веселье не участвовала.

— Мерзость какая! — фыркнул Па, наблюдая за соседями в окно.

— Что, командный дух? — поморщилась Ма. — Да меня прямо тошнит от этого.

Малиса, стоя у чердачного окошка, тоже наблюдала за происходящим. Ей-то как раз очень хотелось поучаствовать, особенно когда Ассоциация жителей устроила для всех участников уборки пикник, и они с радостью уплетали под музыку слегка пригоревшие сосиски под закатно-оранжевым октябрьским небом.

Мечтания Малисы внезапно прервались: в сквер на своём велосипеде вкатился Сет, разносчик газет. Квартал Блаженства входил в участок, который он объезжал. А самое главное, Сет был лучшим и единственным другом Малисы.

Злобсты вообще друзей не заводили. Это было запрещено. Родители Малисы категорически не хотели, чтобы она зналась с кем-нибудь из этих безмозглых Вершков. Или чтобы эти вечно лыбящиеся, дружелюбные, тьфу, чудики мешали ей пакостничать. Но Малиса попросту не могла не подружиться с Сетом: они оба оказались чудиками с самого первого дня в школе.

— Приветик, Малиса! — окликнул её Сет. — Как делишки?

Он как раз упражнялся в езде на одном только заднем колесе, и у него это здорово получалось. Нажимая на педали, он носился по скверу кругами, то и дело вскидывая переднее колесо вверх.

Малиса в ответ только хитро ухмыльнулась. Прищурившись, она тщательно прицелилась палкой, которой грохотала по ограде, в переднее колесо Сета и с силой метнула её. Палка застряла между спицами. Сета вместе с велосипедом подбросило в воздух и швырнуло прямо на гору сухой листвы, в которую оба с громким шуршанием и провалились.

Тщательно собранная и уложенная куча взорвалась как вулкан, испускающий потоки лавы и засыпавший хлопьями рыжего пепла весь сквер. Ма и Па пришли бы в восторг, увидев, что все газоны снова оказались покрыты палой листвой. «Уж если всё равно приходится делать пакости, то лучше делать их весело!» — подумала Малиса.





Ни Сета, ни его велосипеда в этом извержении совсем не было видно.

— Он что, так тебе не нравится? — поинтересовался чей-то голос.

Это был Уязвитель Злобст, сокращённо Язва, — дядюшка Малисы. Он стоял неподалёку, небрежно прислонившись к стволу дуба.

— Он мой лучший друг, — ответила Малиса.

— Вообще-то с лучшими друзьями так не поступают, — заметил дядюшка Язва.

Малиса, прищурившись, посмотрела на него:

— Подожди — и увидишь.

Разорённая куча зашевелилась, и из самой её середины выбрался сияющий и ухмыляющийся Сет. Он кое-как стряхнул с себя прилипшие листья, а потом извлёк из кучи свой велосипед.

— Спасибо, Малиса! — радостно сказал он. — Вот это было круто! Давай ещё разок, а?

— Может, попозже, — отозвалась Малиса и уголком рта улыбнулась дядюшке Язве, который успел сделаться невидимым: неясные, расплывающиеся контуры его фигуры слились с морщинистой дубовой корой.

Все Злобсты рождались на свет, наделённые каким-нибудь магическим даром. У дядюшки Язвы это был дар исчезать. Кроме того, живя годами среди привидений, он впитал в себя изрядную долю подмирской магии, усовершенствовав свои врождённые способности.

Магия передаётся от одного к другому с та-

